

Светлана Баньковская

Чужак на фронтире

(ИЛИ ФРОНТИР КАК МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА
И ОБИТАНИЯ ЧУЖАКА)¹

Svetlana Bankovskaya

The Stranger on the Frontier (or the Frontier as a production site and as a habitat for the Stranger)

Светлана Баньковская (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, профессор; «Центр фундаментальной социологии» НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, старший научный сотрудник; кандидат философских наук, PhD) sbankovskaya@gmail.com.

Ключевые слова: фронтир, граница, маргинальность, Чужак, современный культурный конфликт.

УДК: 316.3 + 316.734

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_113

В статье рассматривается «фронтир» — как понятие и как социальный феномен. В определении «фронтира» отмечается его отличие от «границы», его связь с социальным изменением (в пространственном измерении), его динамический характер и, как следствие, — его неопределенность. Движителем фронтира как особой социальной формы выступает Чужак (первопроходец, маргинал, пионер). Фронтир, начиная уже с «классических» его исследований, предстает как особый «культурный образец/инвариант», основной характеристикой которого является парадоксальное закрепление культурного конфликта.

Svetlana Bankovskaya (PhD; Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, “The Center for Fundamental Sociology”, NRU HSE; Senior Researcher, Saint Tikhon’s Orthodox University for the Humanities) sbankovskaya@gmail.com.

Keywords: frontier, border, marginality, The Stranger, modern cultural conflict.

УДК: 316.3 + 316.734

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_113

The article discusses ‘frontier’ as a concept and as a social phenomenon. The definition of ‘frontier’ distinguishes it from ‘border’, highlights its connection with social change (in its spatial dimension), and underlines its dynamic character and, consequently — its uncertainty. The stranger (pioneer, marginal man, frontiersman) is the driver of the frontier as a special social form. Emerging from classical studies of the frontier, it appears as a peculiar ‘cultural pattern/ invariant’, marked by the paradoxical consolidation of cultural conflict.

Чужак и фронтир созданы друг для друга; они создают, поддерживают и сохраняют друг друга. Чужак скорее образ, нежели понятие, предложенный Г. Зиммелем для обозначения такого социального типа внутри единого и определенного границами социального целого, который «приходит сегодня и остается на завтра» [Зиммель 2008: 7–13], который привносит (извне) в размеренную традицией и повседневными привычками жизнь этого целого нечто новое, не-

1 В данной научной работе использованы результаты проекта «Национальная философия и культура: традиционные духовно-нравственные ценности», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

определенное, беспокоящее и порой раздражающее. Уже одно это делает наше отношение к Чужаку неоднозначным и, можно сказать, парадоксальным.

С одной стороны: Чужак — пришелец из мира «по ту сторону границы», которая, хоть и не является непроницаемой, но все же служит защитой и свидетельством «нашего» порядка, его определенности и надежности. Чужаки, нарушившие эту границу, подозрительны и даже опасны:

нам кажется, что, снявшись с насиженного места и придя к нам, они совершили подвиг, но именно это заставляет нас подозревать, что они обладают какой-то ужасной, мистической силой, которую мы не можем отразить, какой-то хитростью, которую мы не в силах разгадать, мы вынуждены предполагать, что они... могут использовать свое страшное превосходство в ущерб нам. В их присутствии мы чувствуем себя неуверенно; мы полуосознанно ждем от них поступков опасных и отвратительных [Бауман 1996: 65].

Но в то же время неопределенность Чужака представляет его свободным от устоявшихся в данном сообществе (имеющем в том числе и территориальную границу/определенность) категоризаций и идентификаций. Этой свободы он достигает прежде всего свободным перемещением в пространстве, свободным пересечением границ различных обществ и культур, оказываясь между этих границ: «маргинальный человек» (как теперь называет Чужака Р. Парк) —

это тип личности, возникающий там и тогда, где и когда из конфликта рас и культур рождаются новые общества, народы и культуры. Та же судьба, которая обрекла его жить одновременно в двух мирах, принуждает его принять в отношении миров, в которых он живет, роль космополита и Чужака. На фоне своей культурной среды он неизбежно становится индивидом с более широким кругозором, более острым интеллектом, более отстраненной и рациональной точкой зрения [Парк 2011: 240].

Каким образом Чужаки/маргиналы оказываются «между границами», что делает возможным продолжительность такого «промежуточного» существования в пересечении форм и констелляции разных границ? Граница (border) — физическая, политическая, культурная, символическая — средство пространственного упорядочивания социальной жизни, результатом которого выступает определенность «экологического» (пространственного), политического/социального и культурного/морального порядков. Центральная проблема (пост)современного общества и национального государства — отсутствие конгруэнтности границ национальной культуры, резидентности и политического сообщества граждан — все больше разрешается на уровне индивидуального «номада», с точки зрения его права на выбор конкретной комбинации этих компонентов его идентичности (культуры, гражданства, территории).

Массовая, атомизированная мобильность способствует «разгерметизации» национального государства, которое все менее способно эффективно использовать функцию *исключения и контроля* определенности границ. Выразителями и агентами трансгрессивных феноменов становятся умножающиеся разновидности маргиналов, локализованных между границ, совмещающих и релятивизирующих границы, воплощающих культурный конфликт в своей идентичности. Но и в положении маргинала границы сохраняют статичность и определенность; наложение, пересечение, комбинация границ, вписанных в социальный порядок и являющихся инструментом упорядочивания, присут-

ствует на «заднем плане» порядка, в неактуализированной «серой» зоне или даже является «слепым пятном» в упорядоченном целом.

Когда же такое промежуточное (неактуализированное) пространство, где помещаются маргиналы, становится определенным, наблюдаемым и тематизируемым? Это происходит, когда границы приходят в движение, когда они становятся мобильными в определенных социальных обстоятельствах. Статическая неопределенность положения Чужаков — между границ — приобретает динамику в процессе социального изменения. Граница в движении становится «фронтиром», а Чужаки выступают основными агентами фронтира. «Границы современных государств, — считает Э. Гидденс, — все больше становятся фронтарами, благодаря связям с другими регионами и вовлеченности в различного рода транснациональные объединения» [Giddens 1998: 130].

Что же такое «фронтир»? Как он соотносится с «границей»? И чем чревата мобильность фронтира для его агентов — Чужаков-маргиналов-первоходцев-фронтисменов-пионеров? Многочисленные попытки уловить сущность фронтира можно (сильно сокращая количество имеющихся определений) проследить уже по словарным и энциклопедическим обобщениям².

Классическому латинскому *frons*, *frontis* соответствует значение «лоб»; в расширительном значении термин стал использоваться для определения передней части чего-либо; уже в поздней латыни появились термины *fronteria* и *frontaria* с их нынешним значением — «граница». В старофранцузском языке термин трансформировался в *frontiere*, сохранив свое значение границы или рубежа страны.

В словаре Натана Бейли фронтир определяется как «граница, предел или рубеж королевства или провинции, который враги находят впереди, когда собираются войти в него»³. Здесь «фронтир» приобретает коннотацию, которую сегодня можно определить как охранительную, обеспечивающую безопасность, и в то же время указывает на конфликт, столкновение с врагом. Важно отметить при этом, что понятие фронтира с необходимостью связано «с другим» пространственным образованием.

Сэмюэл Джонсон, составитель «Словаря английского языка», опубликованного в 1755 году, определяет фронтир как: «Межу; предел; край собственно той территории, которая оканчивается не на море, а на переднем крае другой страны»⁴. В этом определении Джонсона интересно, во-первых, то, что этот термин используется в основном как синоним границы, а во-вторых, — то, что он имеет специфическую коннотацию: речь идет о сухопутной границе.

В Американском словаре английского языка Ноя Вебстера (1828) фронтир определен как «межа; граница, предел или крайняя часть страны, граничащая с другой страной; то есть та часть, которая наиболее далеко продвинута, или та, которая сталкивается с врагом, или на которую наталкивается вторгшийся

2 Как ни банально обращение к этимологии слов при установлении существа явлений, которые схвачены в понятиях, обозначенных этими словами, в данном случае оно представляется оправданным, раскрывающим специфику фронтира и предстереагающим от смешения этого понятия с понятием границы. См., напр.: *Endrizzi D. As an Introduction: The Term 'Frontier' and Kindred Concepts//In: [Frontiers 2023: 3–14]*.

3 *Bailey N. Dictionarium Britannicum: Or A More Compleat Universal Etymological English Dictionary than Any extant.* London: T. Cox, 1736. P. 372.

4 *Johnson S. A Dictionary of the English Language.* London: Consortium, 1755. (<https://johnsonsdictionaryonline.com> (accessed: 31.01.2025)).

враг, или которая упирается в другую страну»⁵. Очевиден акцент на продвижении фронтира и продвижении путем противоборства с врагом.

«Самый край какой-либо территории, граница, рубеж, предел»⁶, — так, отмечая его неопределенность, представляет фронтир словарь Вустера (1860). В 1890 году Международный словарь английского языка Вебстера включал уже довольно развернутое определение фронтира: «Часть страны, которая является фронтальной или обращенной к другой стране или незаселенному региону; межа; предел, граница или оконечность страны, граничащая с другой страной; граница населенной или цивилизованной части страны; как фронтир цивилизации»⁷.

В этом определении важно заметить два момента: во-первых, речь идет о неопределенной пограничной полосе между двумя странами или на краю обитаемого мира, во-вторых, предполагается столкновение с якобы «нецивилизованной территорией», продвижение внутрь которой, таким образом, становится цивилизующим.

Наконец, Оксфордский словарь американского языка определяет фронтир как «линию, разделяющую две страны и т.д.; как землю вокруг этой линии; край земли, где живут люди и построены города, за которой — дикая и неизвестная территория, особенно на западе США в XIX веке; предел чего-либо, особенно предел того, что известно о каком-либо конкретном предмете или виде деятельности»⁸.

Итак, отличительными признаками фронтира можно считать неопределенность (нечеткость) его как линии разграничения, это скорее пограничная область; эта область — место активного (опасного, враждебного) движения, столкновения; столкновение происходит с «нецивилизованным» миром, «дикой природой». «Фронтир», при всей их схожести, следует отличать от «границы», это отличие может быть представлено следующим образом:

Фронтир — это *регион*, образующий край (*margin*) заселенной или освоенной территории, территориально-географическая *область*, лежащая за пределами целостного региона политической единицы; он соотносится только с одним определенным политическим образованием, по другую сторону фронтира — «дикая природа», неопределенность, беспорядочность. Фронтры не являются статичными, жесткими или неизменными. Они динамичны, меняют территориальные конфигурации на протяжении всей истории своего продвижения. В некоторых случаях фронтир рассматривается как область, в других — как край, предел.

Граница же — это четко очерченная линия делимитации/демаркации между двумя или несколькими политическими единицами (суверенными государствами). Даже если для разграничения территории используются при-

5 Webster N. American Dictionary of the English Language. New York: S. Converse, 1828 (<https://webstersdictionary1828.com/Dictionary/Frontier> (accessed: 31.01.2025)).

6 Worcester J.E. An elementary dictionary of the English language. Boston: Swan, Brewer and Tileston, 1860. P. 127.

7 Webster's international dictionary of the English language; being the authentic edition of Webster's unabridged dictionary, comprising the issues of 1864, 1879, and 1884 / Ed. by N. Porter. Springfield, MA: G. & C. Merriam company, 1898. P. 599.

8 Oxford Advanced American Dictionary for learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2011 (https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/frontier?q=frontier (accessed: 31.01.2025)).

родные элементы (озера, реки, горы и т.д.), они тем самым включаются в политический порядок.

Иными словами, граница — это функция государственно-организованного политического образования. Именно государство либо юридически (делимитирует), либо физически (демаркирует) устанавливает, поддерживает и обеспечивает соблюдение границы. Граница предполагает политическую организацию пространства с обеих сторон (даже если степень этой организации у обеих сторон неодинакова или они находятся в состоянии конфликта/в процессе согласования линии границы).

Фронтир же предполагает неопределенность с другой стороны; другая сторона — это среда (даже если это не «дикая природа»), предоставляющая пространство свободной конкуренции, где конкурентом может стать всякий, кто появляется на пути продвижения фронтира. В отличие от фронтира по ту сторону границы — вполне определенный противник/враг/сосед, одно ее пересечение означает не просто конкуренцию, но конфликт именно с ним.

Отличие конкуренции от конфликта в свое время теоретически оформил Р. Парк, представлявший общество как процесс циклического развития конкуренции, которая на каждой из четырех последовательных стадий этого цикла принимает все более социально контролируемые формы — от естественной/чистой конкуренции, конфликта, аккомодации до ассимиляции, — где чистая конкуренция за ресурсы (и первый из них — пространство) образует «экологический» порядок, на этом уровне социальный контроль над конкуренцией минимален и ограничен лишь физическим пространством (спецификой его организации). Конфликт же предполагает столкновение с «другим», здесь свобода конкуренции уже ограничена «правилами борьбы» конкретных акторов за их конкретные интересы, образуя политический порядок (см. подробнее: [Баньковская 2023: 170–176]). В этом контексте можно говорить об изоморфизме фронтира (как принадлежащего к «экологическому»/пространственному порядку) и границы (как элемента, конституирующего политический порядок). При этом оstenсивно не определяемые границы (социальные, культурные, символические и пр.) рассматриваются на уровнях социального и культурного/морального порядка, где конкуренция принимает форму аккомодации и ассимиляции.

Статичность границ и динамичность (мобильность) фронтира — не менее существенное их различие: если статичность, закрепленность, постоянство границ может/должно наводить на мысль об их «вечном» характере, предустановленности, «естественноти», то продвигаемый человеческим усилием фронтир — воплощение рукотворности, «неестественноти» границ, возможности их как разрушения, перемещения, так и произвольного установления и закрепления. Нетрудно заметить, что положение границ также постоянно изменяется, эти изменения (новая делимитация и демаркация) могут походить на продвижение фронтира, однако не тождественны ему⁹. Такого рода перемещения границ (как правило, в результате конфликта) предполагают установление

9 Мишель Фуше, например, предлагает различать четыре тенденции в бытовании границ в современном миропорядке: «постоянство территориальных споров; создание новых государственных границ; умножение количества пограничных правил; закрепление, то есть превращение обозначенных пределов в линейные границы» [Foucher 2016].

этого факта перемещения (не обязательно согласованного его принятия) с обеих сторон границы, то есть обоими политическими образованиями. Для продвигающегося же фронтира противоположная сторона как какое-либо «целое» не существует, есть лишь «среда», пространство, ресурс для продвижения.

«Классическим» примером исследования движимого фронтира и его социальной организации можно считать знаменитую работу Ф. Тёрнера «Значение фронтира в американской истории» [Тёрнер 2009; Turner 1894; 1920], где он прослеживает динамику продвижения и трансформации фронтира по четырем его формам, последовательно сменяющим друг друга, — фронтира охотника, торговца, скотовода и фермера. Фронтири породил своего рода уникальный социальный тип, который адаптировался к (дикой) физической среде, изменяя свои обычай, традиции, образ мыслей и действий. Эти изменения в целом, по Тёрнеру, заключаются в том, что «на фронтире разрываются узы обычай и торжествует бесчинство» [Turner 1920: 38]. Фронтири был местом встречи дикого мира и колонизаторов, которые завоевывали новые территории; но не просто местом с населением, а процессом социального изменения, особой социальной практикой, наглядным процессом взаимовлияния физической среды и социальных институтов [Leyburn 1935]. Речь шла именно о взаимном влиянии: не только «дикая природа» подвергается воздействию цивилизации, но и сложное общество, очутившись в дикой местности с примитивной организацией, дезинтегрируется, его сложные социальные институты упрощаются и «огрубляются»: «...это не просто движение по одной линии, но возвращение к примитивным условиям на постоянно продвигающейся линии фронтира и новое развитие этой территории. На фронтире социальное развитие постоянно начиналось заново» [The American Frontier 1981].

Социальная дифференциация сопровождается неопределенностью на фронтире, когда одна социальная группа сменяет другую на «внешней грани волны»: «Охотника и торговца вели на запад звери, ранчера вели на запад пастбища, фермера привлекала девственная почва речных долин и прерий... В этом продвижении фронтири является внешней гранью волны... где встречаются дикость и цивилизация» [Turner 1920: 3].

Социальные институты, обнаруживающие это «упрощающее» и дезинтегрирующее воздействие фронтира, — власть (правительство), экономика (бизнес), образование, религия. Суть такого упрощения (по Тёрнеру) — свобода, свободная конкуренция, не связанная обычаем и законом, а его последствия — определенный социальный тип первоходца (Чужака), для которого характерны предпочтение религиозной секты, психология заемщика и должника, недоброжелательное и подозрительное отношение к банкам, неприятие каких бы то ни было ограничений; как следствие — спонтанный рост властных органов, децентрализация управления.

Индивидуализм фронтира с самого начала, по мысли Тёрнера, развивал демократию. Но индивидуализм же и оборачивается «нехваткой высокоразвитого гражданского духа» на фронтире, где каждый для другого — Чужак. Кумулятивный эффект постоянного столкновения с дикой средой, повторяющихся сбров и перемещений, движения, миграции, риска способствуют потере культурного багажа в дороге и формированию специфического типа мобильного Чужака. В этом типе парадоксальным образом соединяются:

...грубость и сила... с остротой ума и любознательностью... практический, изобретательный склад ума, способность быстро найти подходящие средства... умение разобраться в мире материальных вещей, нехватка художественного вкуса при склонности к эффектному проявлению... безрассудность, возбудимость, энергичность... преобладающий индивидуализм, который может быть и добром, и злом... бодрость и восторженность, которые приходят со свободой. Все это особенности фронтира или черты, порожденные существованием фронтира [Ibid.: 37].

Последователи концепции Тёрнера¹⁰ при всем разнообразии областей ее приложения отмечают прежде всего, что фронтир как «край свободной земли» — это нечто совершенно иное, чем граница между государствами или даже пограничный регион между цивилизованными организациями, поскольку фронтир находится в процессе непрерывного продвижения. По выражению Оуэна Латтимора, «он не статичен, не является фронтиром отчуждения (и следовательно, просто оборонительным), но динамичным, фронтиром включения» [Lattimore 1955: 130].

В национальной истории (как в политической, так и в экономической) фронтир зачастую играл роль «предохранительного клапана» (safety-valve), выпускавшего социальное напряжение, не давая ему накапливаться в ограниченном пространстве определенного порядка (недовольные имели возможность переместиться и обустроить свой порядок в другом месте) [The American Frontier Revisited 1981].

Эдмунд Бёрк так видел из метрополии работу «предохранительного клапана» и опасные последствия сбоев в этой работе:

Если вы прекратите жаловать землю, то каковы будут последствия? Люди займут ее без пожалований... Они видят обширные равнины, бескрайние, обильные, ровные луга... Там они будут бродить без притеснений и вести себя согласно своим привычкам. Скоро они забудут правительство, от которого они отреклись. Они превратятся в орды английских татар. И они хлынут на ваши незащищенные границы... Они станут хозяевами ваших губернаторов и чиновников, ваших сборщиков податей и ревизоров, ваших рабов, которые перейдут на их сторону. <... > Таким будет исход того, что вы пытаетесь сохранить для диких зверей ту землю, которую Бог, как сказано, дал сынам человеческим [Burk 1872: 473].

Однако на фронтире индивидуалистичный обитатель приграничья все же зависел от помощи соседей и был вынужден участвовать в согласованных действиях, а это составляло основу политической демократии [Gerhard 1959: 206]. «Предохранительный клапан» в условиях фронтира предотвращал и классовое расслоение, предлагая, по мнению Тёрнера, всем переселенцам равенство возможностей, делая их мобильным и склонным к экспериментам.

Помимо американского фронтира в мировой истории были и другие разновидности фронтиров, о которых говорил сам Тёрнер, — в Канаде, Австралии, Африке, России, где фронтир сыграл свою специфическую роль в формировании этих обществ. Это разнообразие дает, в свою очередь, основание для многочисленных сравнений и классификаций фронтиров [Ibid.], оставляя общей и неизменной чертой их всех неопределенность самой ситуации соприкосновения.

¹⁰ Герберт Ойген Болтон (1870—1953), Артур Скотт Эйттон (1894—1955), Уолтер Прескотт Уэбб (1888—1963)

вения/столкновения на фронтире: нет общего определения ситуации между сторонами, сталкивающимися на фронтире.

При всех сходствах и различиях, например американского и сибирского фронтиров, неопределенность ситуации столкновения (которая чревата одновременно и конфликтом, и согласием) выступает их существенной характеристикой, когда стороны фронтира, стремясь преодолеть и упорядочить неопределенность, интерпретируют ситуацию каждая в терминах своего культурного образца.

Так, например, М. Ходарковский описывает эту ситуацию на сибирском фронтире:

В глазах Москвы шерть была не взаимным договором, а клятвой верности, которую нехристианский народ приносил своему московитскому государю. Обычная процедура заключалась в том, что один или несколько местных вождей приносили клятву верности от имени своего народа в присутствии московского чиновника. Москва всегда старалась, чтобы такая присяга «вечной покорности великому царю» была совершена в соответствии с исконными обычаями новоприсягнувшего подданного. То, что русские называли клятвой верности царю, для местных было подтверждением мирного договора с малоизвестным народом, на который они проецировали структуру своего племенного и децентрализованного сообщества. То, что было данью для русских властей, для туземцев было торговой сделкой. «Я плачу тебе жалованье за то, что ты добываешь для меня меха» vs «Я продаю тебе добытые мной меха». Равнозначность этих позиций возможна в условиях монополии на обмен [Khodarkovsky 1992: 118].

В пространстве фронтира, таким образом, выстраиваются и совмещаются разные реальности с обеих сторон. Эта ситуация может разрешиться как компромиссом, так и конфликтом.

Поскольку фронтири — это пространство столкновения/встречи (encounter) с неопределенным, с иным, возможно, и организованным, но организованным по своему, пока непонятному образцу то фронтири предполагает менее (не) формализованный модус коммуникации — на уровне освоения культурного образца (в том числе и образца политической культуры). Но культурные (символически оформленные) образцы менее определенны, выражены не в терминах рациональной организации, но в терминах ценностей, традиций, идеалов и т.п. Фронтири представляет собой пространство, где разные «культурные образцы» [Schuetz 1944; 1945] встречаются, имея шанс построить общий мир. Но поскольку общих понятий и фиксированных определений изначально мало, этот мир выглядит по-разному для встречающихся сторон. В конце концов, культурный образец, политическая организация одной стороны становится доминирующей, но это требует времени. Фронтири — процесс, предполагающий расширение одного мира и исчезновение другого, его если не ассимиляцию, то аккомодацию. Единый мир, во многом созданный по образу и подобию одной из сторон (Новая Испания, Новая Англия, Новая Зеландия, Новороссия и т.д.), возникает только после того, как фронтири сначала превращается в приграничную/аффилированную территорию, а затем полностью поглощается одним из взаимодействующих образований — в большей мере политически, экономически и идеологически организованным. То, что раньше было фронтиром, теперь стало пограничной территорией за линией обороны. Прибытие колонистов и миссионеров (фронтиристов, маргиналов и т.д.) зна-

меняет собой начало процесса вхождения региона в состав государства, то есть фронтири оформляется в границу.

Правительство теперь обращается к политическим инструментам — введению законов и институтов, экономическим льготам, кооптации в элиты и армию и т.п. Усилия по изменению самого образа жизни/культурного образца местных становится сознательной политикой государства [Khodarkovsky 2002].

Другой вариант превращения фронтира в границу — столкновение с другим фронтиром, продвигаемым навстречу: «Чем дальше вглубь страны уходили буры, тем чаще они сталкивались с другим, численно превосходящим их движением, — фронтиром бantu. Отношения с высокоорганизованной туземной цивилизацией должны были стать важнейшей проблемой, осознавали это поселенцы или нет» [Gerhard 1959: 216]. (Все это не исключает возможности перехода границы опять в качество фронтира.)

Таким образом, неопределенность ситуации на фронтире связана с (или даже обусловлена) его парадоксальностью, которой отмечен и социальный тип первоходца/Чужака/маргинала: с одной стороны, он предрасположен к новому, и в то же время его не отпускает ностальгия по старому (привезенному с собой). Токвиль, в 1831 году посетив французскую Канаду, писал: «Везде нас принимали... как детей старой Франции, как говорят здесь. На мой взгляд, эпитет выбран неудачно. Старая Франция — в Канаде, новая — с нами...» [Piereson 1938: 314]. На фронтире постоянно идет открытая борьба (фронт) различных авторитетов, формирующих новые социальные институты (церковь, школы, прессу, местное самоуправление и пр.), за доминирование, отсюда — неустойчивость компромиссов. Фронтири создает условия для освобождения от старых институтов власти, но зачастую происходит перенесение политических споров на новую почву («...силы организации труда, проявляющиеся как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, являются прямым продолжением традиций английского радикализма, с максимальным использованием австралийских возможностей» [Gerhard 1959: 214]). Фронтири «отталкивается» («убегает») от определенности статичного порядка и в то же время вторгается во внешнюю область неопределенности, в «дишую среду» и начинает ее упорядочивать, выступая агентом порядка. Чужак при этом может быть и основным движителем фронтира, «человеком перемен» и толерантным космополитом (в случае продвижения фронтира «вперед»), а может и столкнуться с дилеммой (в случае отступления фронтира «назад», «имплозии» границ¹¹), которая заключается в следующем: принять новую форму и новое расположение границ, признать новые оппозиции, словом, — принять ее в качестве своего идентификатора, — или же не принимать новых разделений и оставаться вне новых границ, между ними, в области фронтира, где новообразующиеся группы все еще конфликтуют, делят между собой пространственные ресурсы, «поля» и т.п.¹² В такой ситуации Чужак скорее стремится избежать контакта

11 Как это произошло после распада Советского Союза, в результате чего около 25 миллионов бывших его граждан остались за пределами «своих национальных республик». См. подробнее о парадоксах постсоветского гражданства: [Баньковская 2023: 212–227].

12 Если зиммельевский Чужак соединял в себе две противоположности — одновременно и свободу от данной точки в пространстве, и фиксированность в ней, — то в случае с Чужаком на линии фронтира можно говорить и о том, что определенное пространство (политическое, прежде всего — государство) само освобождается от него или, наоборот, стремится зафиксировать его в своих границах.

с четкими границами, нежели сочетать их в своей идентичности или «стирать». Этот тип Чужака отнюдь не кажется более свободным от гнета традиций и порядков, он в большей мере сталкивается с необходимостью противостоять возрастающим по численности формам контроля вокруг него, он задавлен необходимостью защищать свою идентичность от попыток «внести ясность» в его независимую неопределенность и двусмысленность, поглотить ее в рамках новой, определившейся формы. Это состояние маргинальности может иметь следствием и «замыкание» («уход», изоляцию), и агрессивные требования политкорректности и следования «политике различий», стремление противопоставить культурному плюрализму мультикультурализм [Rorty 1999: 252].

Парадоксальность фронтира и Чужака на фронтире порождает, в свою очередь, и парадоксальность *культурного конфликта*, сопутствующего продвижению/отступлению фронтира, которую можно зафиксировать на континуумах между полюсами — банальность/спонтанность, недостаток/избыток толерантности, вражда/любовь, ксенофобия/оикофобия, — а также в феноменах контрфинальности.

Парадокс первый. Конфликтные ситуации столь повсеместны и повседневны, что мы склонны вырабатывать свои способы реагировать на них, свой стиль поведения в конфликте, свои приемы и правила его разрешения, словом, привычные (порой доведенные до автоматизма) способы ведения конфликта. Теоретики на этом же основании говорят о «банальности» конфликта. Но при этом каждый раз конфликт «возникает», «случается», «происходит вдруг» (даже когда его вероятность предсказуема), момент и повод его возникновения спонтанны, его протекание в целом не прогнозируемо.

Парадокс второй. Не сложно предположить, что конфликт может произойти вследствие *нетерпимости* к проявлениям чужих (чуждых) нравов, обычая, к самому виду Чужака, вторжение которого в привычный знакомый «жизненный мир» превращает его в подозрительное и даже небезопасное место, а поэтому требует решительных (читай — конфликтных) действий по устранению инородного и неуместного. Однако и повышенная *толерантность* также застигает нас порой врасплох, и мы неожиданно для себя можем оказаться в ситуации конфликта, к которому не были готовы.

Красноречивый пример приводят американские исследователи Лукианофф и Хайдт¹³ [Lukianoff, Haidt 2015]. Многие американские университеты сегодня крайне обеспокоены эмоциональным самочувствием студентов, предполагая, что их психика очень ранима, особенно в вопросах идентичности. Чтобы оградить студентов (латиноамериканского, азиатского происхождения) от неприятных впечатлений, студенческие кампусы превращают в сверхтолерантные «безопасные места», где студенты должны быть гарантированы от смущающих их слов и вопросов. Например, если вы случайно спросите такого студента: «Где вы родились?», — это сочтут как раз актом «микроагgressии», своего рода насилия, поскольку вопрос предполагает, что студент не является истинным американцем. Совершая этот акт, вы непреднамеренно и неожиданно для себя оказываетесь в ситуации конфликта с установленными правилами эмоциональной безопасности. Эти же правила требуют, чтобы профессора де-

13 Lukianoff G., Haidt J. The Coddling of the American Mind // The Atlantic. 2015. Sept. (<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/> (accessed: 31.01.2025)).

лали «предупреждения об опасности», если в лекциях или в рекомендуемых книгах упоминаются могущие эмоционально ранить студентов слова, идеи, проблемы. Отсутствие злого умысла или просто небрежность в выборе слов не освобождает нарушителя эмоционального комфорта от наказания, и он в полной мере почувствует, что стал зачинщиком конфликта. Выстраивание такого рода конфликтогенных ситуаций авторы статьи называют «мстительной защитой» (*vindictive protectiveness*); это целая культура «толерантности», которая требует от каждого трижды подумать, прежде чем сказать слово, бросить взгляд или позволить себе жест.

Парадокс третий выводится из той же ксенофобии как нелюбви к чужому. Столкновение с чужим и чуждым, неприятие этого чужого — вполне понятное объяснение конфликта. Однако и отвращение к своему или даже враждебное к нему отношение — ойкофобия — зачастую также может служить вполне адекватным объяснением конфликта.

Парадокс четвертый. Конфликт можно объяснить как столкновение противоречивых, несовместимых представлений, целей, ценностей, действий, когда вражда проистекает из непримиримых, неистребимых *различий*. Но не меньшие основания имеют и объяснения конфликта как следствия *тождества* конфликтующих сторон, их полной схожести. Социальные ученые называют это эффектом контрафинальности. Контрафинальность¹⁴ («обратный эффект») — это такая ситуация, когда множество одинаково рационально действующих индивидов, не согласующих свои действия между собой, все вместе достигают результата, противоположного целям каждого из них по отдельности. Необходимым условием контрафинальности выступает массовость стандартного действия, когда каждому из действующих доступны одни и те же цели и в равной мере известны наиболее эффективные средства их достижения, и каждый из них способен применить эти средства для достижения одной (одинаковой, но не общей) цели. Расчет эффективности и достижение цели действия оправданы для единичного случая, когда же такое действие осуществляется множеством (причем неопределенным множеством) действующих и притом — одновременно, то равнодействующая оказывается прямо противоположной ожиданиям и намерениям каждого из действующих и ведет к конфликту между ними. При этом сложно просчитать заранее, когда именно, в какой конкретно момент наступит этот эффект контрафинальности, какое точно количество участников приведет к данной ситуации; контрафинальность спонтанна, не предсказуема и зачастую неконтролируема.

Парадокс пятый. Конфликт неизбежно проистекает из самой «природы человека» (она «отталкивается» от конфликта), и мы носим дух противоречия с собой, как улитка свой домик, а готовность вступить в конфликт с Другим равносильна обладанию идентичностью.

Зиммель в статье со много говорящим названием «Человек как враг» [Зиммель 1994: 502] предположил, что каждому из нас присущ основной «оппозиционный инстинкт». Мы вправе полагать, что душа обладает потребностью не навидеть и бороться не в меньшей мере, чем любить. Человеку легко внушить враждебные чувства, и так же, как на предмет своей любви он переносит воз-

14 Й. Элстер рассматривает «контрафинальность» как проявление неоднозначности, спонтанности и «отложенной во времени» конфликтогенности социальных процессов, см.: [Elster 1978].

буждающие еще большую любовь качества, он проецирует и на избираемого врага возбуждающие ненависть свойства. Зиммель особо подчеркивает, что наиболее сильная вражда возникает между близкими людьми, на почве родственной общности: чем интимнее связь, тем болезненнее ощущается даже незначительное противоречие, чем обширнее область совместной жизни, тем больше есть поводов для разлада. «На почве родственной общности возникает более сильный антагонизм, чем между чужими», — пишет Зиммель [Там же: 505].

Подвергая, таким образом, детальному рассмотрению понятие и сам феномен фронтира, следует иметь в виду его многоплановость, неоднозначность, неопределенность и даже парадоксальность. Фронтир — не только особого рода социальный процесс (с точки зрения его динамики), не только своеобразное состояние — и социальный институт, и место/регион в физическом пространстве — (с точки зрения его статики); фронтир — это еще и специфический, порождаемый им социальный тип, агент и движитель фронтира; наконец, продвижение современного фронтира, хотя и происходит во все том же физическом пространстве, теперь осложняется тем, что пробивается сквозь плотную информационную, экономическую, политическую, правовую, культурную и прочую сеть коммуникаций. Несмотря на всю свою парадоксальность, продвижение фронтира, институционализируясь, входит в модус существования целых культур: окончание продвижения одного фронтира (физического, остановленного физическим препятствием, океаном или горами например) знаменует собой начало продвижения другого (технологического, политического, культурного и т.д.), поскольку созданный на фронтире инвариант социального типа (первоходца, Чужака, маргинала) может существовать только в этом модусе — свободного продвижения цивилизации вглубь окружающей среды, столкновения со средой, упорядочивания ее первобытного хаоса. Само это движение нуждается в ресурсе, в пространстве, которое представляется «свободным» для освоения и аккультурации; когда граница становится фронтиром, доселе определенная сопредельная сторона по ту сторону границы становится обезличенной «средой», «территорией», пространством, особенность которого в том, что в столкновении с ним в самых разных (и парадоксальных) формах проявляется и генерируется культурный конфликт. Диалектика фронтира и границы как динамической и фиксированной/формальной сторон одного и того же процесса пространственной организации (и дезорганизации) в конкретных условиях и обстоятельствах ставит принципиально новые вопросы и требует постоянной теоретической работы.

Библиография / References

[Баньковская 2023] — Баньковская С.П. Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Владимира Даль, 2023.
(*Ban'kovskaya S.P. Chuzhaki i granitsy. Issledovaniya po sotsiologii marginal'nosti. Saint Petersburg, 2023.*)

[Бауман 1996] — Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. А. Филиппова. М.: Аспект-пресс, 1996.
(*Bauman Z. Thinking Sociologically. Moscow, 1996. — In Russ.*)
[Зиммель 1994] — Зиммель Г. Человек как враг / Пер. с нем. А. Филиппова // Зим-

- мель Г. Избранное: В 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1994. С. 501—508.
- (*Simmel G. Der Mensch als Feind* // *Simmel G. Izbrannoye: In 2 vols. Vol. 2. Sozertsaniye zhizni*. Moscow, 1994. P. 501—508. — In Russ.)
- [Зиммель 2008] — Зиммель Г. Экскурс о Чужаке / Пер. с нем. А. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008.
- (*Simmel G. Exkurs über Den Fremden*. Saint Petersburg, 2008. — In Russ.)
- [Парк 2011] — Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Парк Р.Э. Избранные очерки / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: ИНИОН РАН, 2011.
- (*Park R.E. Cultural Conflict and the Marginal Man* // *Park R.E. Izbrannyye ocherki*. Moscow, 2011. — In Russ.)
- [Тёрнер 2009] — Тёрнер Ф.Дж. Фронтier в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009.
- (*Turner F.J. The Frontier in American History*. Moscow, 2009. — In Russ.)
- [Burk 1872] — *Burk E. Oration on Conciliation* // *Burk E. Works*. London: Bell & Daldy, 1872.
- [Elster 1978] — *Elster J. Logic and society: contradictions and possible worlds*. Chichester; New York: Wiley, 1978.
- [Foucher 2016] — *Foucher M. Le Retour des frontières*. Paris: CNRS Éditions, 2016.
- [Frontiers 2023] — Frontiers — Law, Theory and Cases/ Eds. D. Endrizzi, J. Becerra, E. Perafán Del Campo, J. Cubides Cárdenas, L. Gamarramay. Springer, 2023.
- [Gerhard 1959] — *Gerhard D. The Frontier in Comparative View* // *Comparative Studies in Society and History*. 1959. Vol. 1. No. 3. P. 205—229.
- [Giddens 1998] — *Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1998.
- [Khodarkovsky 1992] — *Khodarkovsky M. From frontier to empire: the concept of the frontier in Russia, sixteenth- eighteenth centuries* // *Russian History*. 1992. Vol. 19. No. 1/4: The Frontier In Russian History. P. 115—128.
- [Khodarkovsky 2002] — *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800*. Bloomington: Indiana University Press, 2002.
- [Lattimore 1955] — *Lattimore O. The Frontier in History* // *Relazioni*. 1955. Vol. 1. P. 103—138.
- [Leyburn 1935] — *Leyburn J.S. Frontier Folkways*. New Haven: Yale University Press, 1935.
- [Pierson 1938] — *Pierson G.W. Tocqueville and Beaumont in America*. New York: Oxford University Press, 1938.
- [Rorty 1999] — *Rorty R. Philosophy and Social Hope*. London: Penguin Books, 1999.
- [Schuetz 1944] — *Schuetz A. The Stranger. An Essay in Social Psychology* // *American Journal of Sociology*. 1944. Vol. 49. No. 6. P. 499—507.
- [Schuetz 1945] — *Schuetz A. The Homecomer* // *American Journal of Sociology*. 1945. Vol. 50. No. 5. P. 369—376.
- [The American Frontier 1981] — *The American Frontier Revisited* / Ed. by Margaret Walsh. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1981.
- [Turner 1894] — *Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History* // *Annual Report of the American Historical Association*, 1893. Washington: Government Printing Office, 1894. P. 197—227.
- [Turner 1920] — *Turner F.J. The Frontier in American History*. New York: H. Holt and Company, 1920.